

единственный и не первый. Постоянный интерес англичан к научным исследованиям, о котором, помимо творчества Роджера Бэкона, свидетельствует трактат «О движении сердца» («De motu cordis»), написанный ок. 1210 г. Альфредом из Сарешела (Alfredus Anglicus, Альфред Английский), вызвал к жизни энциклопедию иного рода, посвященную главным образом наукам о природе с использованием нового греко-арабского знания. Это сочинение «О свойствах вещей» («De proprietatibus rerum») Бартоломео Английского***, завершённое к 1250 г. и посвященное в основном наукам о природе, где были использованы вновь открывшиеся познания греков и арабов. Выходец из Брабанта Фома из Кантемпре****, доминиканец, как и Винцент из Бове, был не только моралистом, автором сочинения «Всеобщее благо пчел» («Bonum universale de aribus»), но и автором трактата «О природе вещей»

305

3. Изгнание изящной словесности

(«De natura rerum», ок. 1240), продолжавшего в XIII столетии традицию Александра Неккама, Рабана Мавра и Беды Достопочтенного. Но во всех этих случаях речь идет о сохранении жанра, связанного с потребностями библейской экзегезы и религиозного проповедничества. Такие произведения оставались чуждыми обычным университетским учебным курсам в том виде, как они были замыслены в XIII веке.

Что касается собственно изящной словесности, то она в Парижском университете исчезла почти полностью. Освоив однажды латинскую грамматику, нужно было хорошо прочитать несколько текстов; еще имелись Библия и литургия на латыни. Если классических авторов и читали, то в университетских программах они ничего не значили. Представляется, что чаще обращались к псевдоклассическим сочинениям XII века типа «Александриды» Готье из Лилля, поэмы из 5464 гекзаметрических стихов, написанной приблизительно в 1176—1179 гг. и посвященной подвигам Александра Великого; в начале XIV столетия Псевдо-Генрих Гентский, прочитав ее, станет жаловаться в своем трактате «О церковных писателях» («De scriptoribus ecclesiasticis»), что он напрасно читал древних. Еще был популярен «Товий» Маттье Вандомского, написанный ок. 1200 г. Если вспомнить о почитании классиков в шартрских школах XII века, то глубокий упадок их изучения в XIII веке станет очевиден. Так как латынь оставалась в учебных заведениях языком науки, минимум грамматических занятий был обязателен, но этот минимум давал очень немного, в чем можно убедиться, читая произведения тех, кто его получил. Поскольку изучение логики начинали как можно раньше, нужно было любыми средствами сокращать изучение словесности. Впрочем, дурной пример подал XII век. Примерно в 1150 г. Петр Гелий* изложил латинскую грамматику в гекзаметрах. Побуждаемый заботами о мнемотехнике, грамматик из Орлеана Маттье Ван-домский в своем «Ars versificatoria» учил в

стихах искусству стихосложения. Подобная «механизация» литературного образования особенно ярко обозначилась в начале XIII века. Появились «Poetria nova» (ок. 1210) англичанина Джеффри из Винсофа (Винсо) и «Laborinthus» Эварда Немецкого (ок. 1213).

Здесь речь идет только об изменении методов обучения, но его сопровождало и другое явление, которое затронуло самый дух изучения классиков. Под влиянием логики оно «постепенно превратило грамматику в спекулятивное исследование». Чтобы объяснить какой-либо неясный вопрос, грамматики вместо обращения к лучшим латинским авторам отныне стали решать проблему с помощью правил логики. Присциан не мог удовлетворить эти новые потребности. Вот как описана ситуация в глоссе из одного нового учебника: «Ценность книги Присциана во многом страдает от того, что он не